

УДК 004.8:316.7

В.А. Лобанова

Лобанова Валерия Александровна, студентка группы УКИ/бак-24-1 факультета гуманитарного образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: valerialobanova018@gmail.com.

Научный руководитель: **Павлова Ольга Александровна**, доктор филологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: lexfati72@mail.ru.

КРИЗИС АВТОРСТВА: КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье исследуется трансформация института авторства, вызванная распространением генеративного искусственного интеллекта. Речь идет о культурном кризисе, который проявляется на трех уровнях: онтологическом, эпистемологическом и аксиологическом. Анализируется формирование феномена «алгоритмической гегемонии». Особое внимание уделяется гибридной фигуре «композитора-инженера».

Ключевые слова: искусственный интеллект, кризис авторства, алгоритмическая гегемония, цифровая культура, «смерть автора».

V.A. Lobanova

Lobanova Valeriya Aleksandrovna, 2nd-year student of the UKI/bak-24-1 group of the Faculty of Humanitarian Education of the Krasnodar State Institute of

Culture (Krasnodar, 40-letiya Pobedy St., 33), e-mail: valerialobanova018@gmail.com.

Scientific supervisor: **Pavlova Olga Aleksandrovna**, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Socio-Cultural Activities of the Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, 40-letiya Pobedy St., 33), e-mail: lexfati72@mail.ru.

CREATIVE CRISIS: CULTURAL CONSEQUENCES OF THE DISTRIBUTION OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article explores the transformation of the institution of authorship caused by the spread of generative artificial intelligence. It discusses a cultural crisis that manifests itself at three levels: ontological, epistemological, and axiological. The article analyzes the emergence of the phenomenon of «algorithmic hegemony». Special attention is given to the hybrid figure of the «composer-engineer».

Key words: artificial intelligence, the crisis of authorship, algorithmic hegemony, digital culture, the «death of the author».

Вторжение генеративного искусственного интеллекта в культурное пространство, а именно – в область художественного, музыкального и литературного творчества – инициировало фундаментальное изменение, которое с уверенностью можно назвать парадигмальным. Речь идет не про появление нового инструмента у творца, подобно планшету или синтезатору, а про то, что мы наблюдаем начало процесса, который ставит под сомнение исключительность человека в творчестве. Проблема распространения генеративного ИИ не только в нарушении юридических норм авторского права, но и в более глубоком смысле: укорененные в культуре Новейшего времени представления о том, кто такой автор, какая истинная суть оригинальности и возможно ли существование искусства вне человеческой субъективности. Цель статьи – осуществить многоуровневый анализ культурных последствий этого процесса, выявив основные направления

разрушения традиционной фигуры автора и контуры формирующейся реальности, где творчество становится гибридным и распределенным.

В современной философии культуры и эстетике фигура автора традиционно рассматривалась как сакральный источник художественного смысла. Однако развитие технологий генеративного искусственного интеллекта ставит под сомнение постоянность этой фигуры. Теоретической основой для осмысления этого кризиса служат классические концепции Р. Барта о «смерти автора», замещаемого «скриптором», возникающим синхронно с текстом.

Однако эмпирическая практика генеративного искусства, в частности, проект «Возрождение наследия» (цифровая реконструкция утраченных полотен Сбером), демонстрирует парадоксальную реанимацию фигуры автора В. Кандинского в новом качестве. Как отмечают В.Д. Береснев и Н.И. Береснева, данный кейс обнажает принципиальное противоречие между классическим пониманием авторства как проявления индивидуальной творческой воли и моделированием «функции автора» цифровым алгоритмом [2].

Для концептуализации данного феномена исследователи применяют понятие «цифровой призрак», восходящее к философии Ж. Дерриды. В сгенерированном изображении зрителю является не реальный творец, а его призрак: реципиент идентифицирует стиль В. Кандинского, одного из основоположников абстрактного экспрессионизма, осознавая при этом отсутствие физической причастности художника к созданию артефакта. Этот призрак, лишенный субъектности и подчиненный алгоритмам генерации, кураторской верификации и зрительской интерпретации, становится агентом – символическим репрезентантом отсутствующего творца в настоящем.

Анализируя концепцию «функции автора» М. Фуко, приходим к утверждению, что авторство оказывается распределенным между множеством гетерогенных агентов: музейными сотрудниками, разработчиками алгоритмов, кураторами и зрителями, которые в акте

восприятия «подписывают» реконструкцию именем исторического художника. Таким образом, провозглашенная Р. Бартом «смерть автора» стала ключевой отправной точкой для множества исследований, оказав влияние на способы интерпретации произведений. В настоящее время ее применяют в литературоведении, в медиа, кино и цифровых исследованиях. Так и в проекте компании «Сбер» «смерть автора» трансформируется в появление его «призрака» – эфемерного агента, существующего на границе реального и виртуального.

В более широком философском контексте данный процесс сопровождается глубинной трансформацией природы творческой деятельности, связанной с замещением человека алгоритмами. Анализируя эти изменения в медиасфере, Е.К. Нетцель и Н.Р. Саенко констатируют, что творческая энергия, стиль и уникальный опыт субъекта перестают быть востребованными, уступая место функциональной способности управлять инструментом; при этом власть (государственная или корпоративная) получает возможность генерировать неограниченный контент, формирующий желаемый дискурс, так как повторение идей в разных формах создает эффект «нормальности», а слова ИИ, воспринимаемого как объективная «машина», кажутся более убедительными, чем человеческие [3].

Таким образом, модель «суверенного автора» как носителя уникального внутреннего мира замещается распределенной сетью агентов. В этой системе человеческое намерение становится лишь одним из факторов, на равных конкурирующим с алгоритмическими закономерностями, заложенными в обучающих данных нейросети. Это ставит перед культурой задачу: разработку обновленного языка для описания творчества и актуальных критериев оценки художественной значимости.

Культурный кризис, вызванный появлением генеративных технологий, проявляется в трансформации фундаментальных категорий эстетики, таких как «оригинал» и «копия». Как доказывают Д.С. Быльева и В.В. Краснощеков, «цифровизация означает эпоху визуальных симулякров (по Ж. Бодрийяру), утраты ауры материально присутствующих произведений

(В. Беньямин)» [1]. В отличие от предшествующих эпох технического репродуцирования, именно цифровая среда полностью уравнивает онтологические различия между оригиналом и копией, поскольку результат работы нейросети представляет собой не реплику физического артефакта, а уникальную синтетическую конфигурацию, лишенную единого материального первоисточника. Творческая деятельность в этих условиях сокращается к оперированию вербальными конструктами (промтами) и селекции генерируемых алгоритмом вариантов, что окончательно размывает границу между оригинальным произведением и его симулякром.

Следствием данной трансформации выступает специфический культурный шок, обусловленный изменением социальной функции искусства. Произведение утрачивает статус свидетельства экзистенциальной встречи человеческого сознания с реальностью и формируется как товар, производимый по запросу в режиме реального времени посредством «промт-инжиниринга». Хотя данная работа не является строго формальным процессом, она больше схожа с технологией, чем с «искусством».

Внедрение искусственного интеллекта в художественную практику неизбежно ведет к девальвации творческого труда в общественном сознании. Анализируя социальные последствия автоматизации, А.А. Шпак и Н.М. Лещинская констатируют, что «вопрос замены человека искусственным интеллектом – автоматизация и, как следствие, утрата человеком рабочего места выступает ключевой проблемой данного процесса» [5]. По этим причинам у художника появляется кризис профессиональной идентичности. Его социальная роль меняется: из независимого создателя он превращается в оператора, обслуживающего алгоритмические механизмы генерации контента в функциональном ключе.

Массовое использование нейросетей в искусстве привело к серьезному разрыву в современном праве и этике. Из законодательства следует, что субъектом творчества может быть только человек, однако сегодня искусственный интеллект выходит за рамки простого инструмента. В некоторых случаях алгоритм вносит определяющий, а не минимальный вклад

в произведение, из-за чего актуальные нормы права не позволяют корректно описать эту реальность.

Формальные способы разрешения проблемы (например, признание автором пользователя, написавшего промпт) маскируют, но не решают ее. Следствием становится зона этической неопределенности: невозможно четко зафиксировать, кто несет ответственность в случае непреднамеренного заимствования, плагиата или создания деструктивного контента.

Однако наиболее серьезную угрозу, выходящую за пределы юридических споров, представляет собой феномен «алгоритмической гегемонии». Механизм ее формирования диалектичен: нейросети обучаются на огромных массивах данных, которые отражают уже существующие рыночные предпочтения. Стремясь к статистической норме, они начинают продуцировать предсказуемый контент. Попадая в рекомендательные ленты, этот контент начинает формировать вкусы аудитории, замыкая порочный круг. Люди потребляют то, что предсказал и предложил алгоритм, а алгоритм, в свою очередь, обучается на этих паттернах потребления, все дальше уходя от всего нестандартного, экспериментального или «шероховатого».

Как точно замечает С.Н. Орлов, в такой системе под вопрос ставится само существование индивидуального стиля, который невозможно свести к набору алгоритмически воспроизводимых клише. Культура рискует превратиться в замкнутую самоподобную структуру, утратившую способность к порождению подлинно нового. Тем самым технология, призванная быть инструментом творчества, может стать механизмом, нивелирующим культурное многообразие и блокирующим развитие [4].

Наиболее отчетливо трансформация творческих процессов под влиянием искусственного интеллекта прослеживается в музыке – искусстве, исторически тесно связанном с математикой и формальными структурами. Взаимодействие композитора с генеративными алгоритмами порождает принципиально новые модели соавторства, в рамках которых человек осваивает незнакомые ранее роли.

Современный композитор может выступать как «вдохновитель», формулируя для нейросети общие параметры будущего произведения: его настроение, стилистику или темп. Или как «куратор», который прослушивает сгенерированный алгоритмом материал, отбирая из потока звуков те фрагменты, которые обладают эстетической ценностью, и отбрасывая «шум». Наконец, возможен глубинный диалог, когда человек и алгоритм вступают в итеративный обмен: результат одной итерации становится исходными данными для следующей, создавая сложную и непредсказуемую траекторию творческого акта.

В этом контексте закономерно возникает фигура «композитора-инженера». Сама постановка вопроса о необходимости подготовки таких специалистов сигнализирует о фундаментальном сдвиге в профессиональном этосе. Традиционное композиторское образование, веками строившееся вокруг изучения гармонии, полифонии и инструментовки, сегодня требует дополнения знанием архитектур нейросетей, принципов машинного обучения и методов обработки больших данных. Творец перестает быть исключительно носителем «сакрального дара» и превращается в высококвалифицированного оператора сложной технологической системы. Как отмечают современные исследователи, такая метаморфоза, с одной стороны, колоссально расширяет выразительный арсенал художника, но, с другой, – несет в себе риск редукции творчества к разновидности инженерии, где результат становится предсказуемым и утилитарным, а пространство для иррационального, случайного и «некрасивого», то есть именно того, через что зачастую прорывается подлинно новое, неумолимо сужается [6].

Подводя итог проведенному анализу, можно утверждать, что культурные последствия распространения генеративного искусственного интеллекта носят не локальный или инструментальный характер. Мы имеем дело с системным кризисом, который затрагивает фундаментальные, онтологические основания творческой деятельности. Традиционная фигура автора, понимаемого как суверенный субъект, наделенный уникальным внутренним миром и интенциональностью, сегодня переживает радикальную

трансформацию. Речь идет не просто о смене профессиональных инструментов, а о распаде привычной модели творчества и возникновении принципиально новых, гибридных и распределенных конфигураций.

Как было показано при анализе музыкальных практик, современный творец все чаще выступает не в роли вдохновенного творца, а в роли «композитора-инженера», «куратора» или «диалогового партнера» алгоритма. Этот процесс изменения профессиональных норм и ценностей неизбежно приводит к пересмотру основных понятий, которые на протяжении многих веков определяли европейскую эстетику. Понятия подлинности, оригинальности, индивидуального стиля, уникального авторского почерка – все они оказываются под вопросом в ситуации, где значительная часть творческого процесса делегирована машине, обученной на закономерностях.

Наиболее тревожным следствием описанных процессов нам представляется угроза «алгоритмической гегемонии». Рассмотренный выше механизм замыкания культуры в петле обратной связи, когда ИИ формирует вкусы аудитории на основе усредненных данных и затем обучается на этих же паттернах потребления, способен лишить культуру ее главного ресурса – внутреннего разнообразия. Культура рискует превратиться в замкнутую систему, где нет места экспериментальному, то есть именно тому, что всегда обеспечивало ее развитие и способность к спонтанному и непредсказуемому.

Правовые конфликты, связанные с попытками закрепить авторство за тем, кто пишет «промпт», или найти иную формальную фиксацию, лишь обнажают глубину этической неопределенности, но не предлагают ее решения. Выход из сложившегося кризиса, на наш взгляд, лежит далеко за пределами совершенствования юридических норм. Он требует новой, более глубокой культурной рефлексии, способной определить место и миссию человека в мире, где машина научилась убедительно имитировать творческие способности.

Задача современности видится нам не в том, чтобы запретить генеративные технологии или бездумно легализовать их присутствие в

искусстве. Ключевой вызов заключается в ином: необходимо найти способы сохранить в новой технологической среде пространство для суверенного человеческого жеста. Важно удержать ту меру, при которой алгоритм остается инструментом расширения возможностей, а не подменяет собой творца, превращая культуру в предсказуемый и стерильный продукт оптимизации.

Список источников

1. Быльева, Д.С., Краснощеков, В.В. Оригинал и копия: технологический вызов искусству // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2023. – № 2. – С. 83-89.
2. Береснев, В.Д., Береснева, Н.И. В.Д. Кандинский VS Kandinsky: онтологический статус автора в генеративном искусстве // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2025. – № 3. – С. 389-391.
3. Нетцель, Е.К., Саенко, Н.Р. Алгоритмическая гегемония ИИ, или сценарий «принуждения к консенсусу» на пути окончательного уничтожения авторства // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2025. – № 4(13). – С. 215-219.
4. Орлов, С.Н. Искусственный интеллект и определение авторства электронных текстов как культурологическая проблема. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-opredelenie-avtorstva-elektronnyh-tekstov-kak-kulturologicheskaya-problema> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Шпак, А.А., Лещинская, Н.М. Социальные последствия внедрения искусственного интеллекта в области искусства. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-posledstviya-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-oblasti-iskusstva> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Шириева, Н.В., Дыганова, Е.А., Калинина, Л.Ю. Композитор-инженер: к вопросу о новых подходах к подготовке композиторских кадров // Самарский научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 191-193.